

29.11.2010, №78

ET CETERA

продолжение следует

Уездная сказка
Корреспондент
ЕТ СЕТЕРА
побывал
на «Дажынках» **3**

Сага о светофорах:
увлекательно
о повседневном **24**

Катманду ты моя,
Катманду
Непал – очень большая
страна, только
«смятая» **7**

**«Подайте,
а то утоплюсь!..»**
Почему
не оскудевает
рука берущего? **28**

**И дичь, и водка,
и любовь**
Будни переводчика,
или чему
не учат
в университете **12**

Манекены Пис
Белорусские «писаю-
щие мальчики» как
отражение
национальной
культуры **30**

**Национальная
катастрофа**
Зачем чиновники
убивают
историю? **16**

**Человек
в пространстве**
Психология
повседневного
общения
от специалиста **32**

**Без определенного
места жительства**
О неизвестной
жизни
малоизученных
белорусов **19**

**Разговор двух
неизвестных**
О роли картофеля
в жизни
белоруса **35**

УЕЗДНАЯ СКАЗКА

Корреспондент ЕТ СЕТЕРА побывал на главном празднике осени

Даниил СОРОКИН

Своих гостей Орша встречает неприветливым ночным вокзалом. Привычно без фонарей, зато с яркой часовой башней а-ля столица. На привокзальной площади знакомо пасется кучка бессмертных маршруток. В ночь накануне «Дажынак» ехать в Орше можно лишь в одном направлении – в спальный район.

К месту ночной дислокации оршанцев маршрутка пробирается партизанскими тропами. Основные дорожные магистрали в честь государственного действия уже закрыты. За окном в праздничном полумраке угадываются обновленные фасады зданий и маленькие горбики на клумбах – рабочие, высаживающие в ночи по-

следние розовые кусты и аютины глазки. Город заметно изменился. Даже ночью белорусский Чикаго напоминает цветочный сад. Тут и там еще идут работы. Строители, ругаясь с жильцами домов, докрашивают подоконники, а одинокие дворники выметают из углов остатки провинциальной жизни. На центральной площади кипит

работа. Из земли вырастают торговые палатки и ограждения, а на ветвях деревьев вспыхивают яркие гирлянды. Первую партию гостей и победителей в город уже завезли. Пассажиры маршрутки – люди разных положений и профессий – бесстыдно завидуют им, злорадствуя, что праздники долго не живут.

ДЕНЬ ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ

Первое утро «Дажынак» началось с человеческих пробок. Главные улицы города остались закрыты для транспорта, поэтому смотр хлебобобов предваряло паломничество по невзрачным оршанским закоулкам.

Из пыльного «Икаруса», который под свистки сотрудников ГАИ крался к центру огородами, народ вываливался прямо в колонны «пленных» школьников. В честь праздника в местных школах объявили образовательную амнистию, заменив уроки на флажки и обязательное участие в праздничных массовках. Под предводительством классных руководителей школяры вяло вышагивали по обочине дороги, лениво помахивая атрибутами радости. На перекрестке возле городского мелькомбината строй рассыпался и собирался вновь, теряя при этом бойцов и амуницию в кустах и магазинах. До эпицентра «Дажынак» пришлось идти минут сорок. На то, что праздник уже близко, указывали домовитые горожане с охалками воз-

душных шаров и колбасных изделий. Для оршанцев любой праздник – это прежде всего повод для шопинга. И в этом нет ничего предосудительного. Серые будни местный люд отмечает стоянием в очередях и обсуждением однообразных колбасных изделий местного пошиба. ГУМ, ЦУМ и «Бел-рыба» в заштатный городок заезжают нечасто. Так что длинные торговые ряды и праздничный ассортимент – большой повод для радости.

К снеди и песням народ продирается через милицейские заграждения. Входящих за кордон обыскивают и время от времени требуют паспорт. На колченогой табуреточке бойцы ОМОНа расставляют изъятые дезодоранты и прочий жидкий парфюм. Среди секретов женских сумочек – духи, литровые емкости с лаком и вязкий еловый шампунь. Мужчины досмотр проходят легко. Привычные запах и жидкость ждут их подле торговых рядов.

ОРША, УРА!

Ярмарка пахнет белорусскими шашлыками и луком. Подгоревшая свинина давно стала национальным атрибутом

благополучия и щедрости. Возле широких мангалов стонут дети, глядя, как взрослые жонглируют на ветру пластиковыми тарелочками. Под шумок местные бомжи пытаются стянуть со стендов декоративные кабачки и картошку. Но, раскусив подвох, плюются, попирая хорошие манеры и великий русский язык.

– Поем! – доносится призыв самодеятельного женского хора в пятнистых платках.

Толпа отвечает молчанием. Стайка досужих пенсионерок останавливается и почему-то кивает, мол, еще чуть-чуть – и запоем.

– Орша, ура! – насупленные бабки пятятся от розовощеких хористок, бурча что-то про пенсию и тяжелые авоськи.

С сумками к главной сцене путь заказан. Жадные до хлеба и зрелищ горожане бегают у заграждения в надежде пристроить добытую в боях рыбу, колбасу и одежду. Кто-то относит покупки домой и, обернувшись, зачем-то покупает еще и еще. С огромной сцены городского парка слышны поздравления, у ограды

– проклятия в адрес протекающей рыбы. Для того чтобы увидеть хлеборобов, нужно пройти очередной милицейский досмотр. Пакеты с соком вызывают больше подозрений, нежели оттопыренные карманы. Сбоку плачет ребенок.

– С тетрапаками не заходить, – вещает женщина в милицейской форме, заворачивая молодую мамашу с обиженным дитем.

– Это еще почему?

– В Минске такие пакеты взрывали, – хмурится щипаными бровями страж порядка.

– Так мы же сок пьем, мы ж его не взрываем, – оправдывается мамка, отбирая у обиженного чада «опасный» тетрапак.

Впереди бухают аплодисменты, доносится звонкое «ура!». Милиция напрягается и с новой силой шапит по карманам.

ПРАЗДНИК ХЛЕБА

Передовиков и стахановцев чествуют на месте бывшей тюрьмы. Уголовное гнездо располагалось раньше аккуратно на краю центрального городского парка. Спецпостройка, известная в старину еще и как иезуитский коллегиум, долго пустовала, скалясь выбитыми окнами и дверными косяками. Затем развалюху взяли в оборот и превратили в развлекательный центр с иконой и знаком города на фасаде. Сам же парк перед «Дажынкамі» облагородили стояками с вездесущими «глазками» и специально завезенными деревьями неведомых пород. Знаменитую «Чебуречную», в которой издревле собирались оршанские забулдыги, сослали на окраину города. Туда же, по всей видимости, отправился и местный туалет открытого типа.

На площадке перед лобным местом «Дажынак» мерзнут люди. За ограждение с металлоискателем на входе попадают только избранные, с цветастыми билетами и беджами у

сердца. Они тоже мерзнут, скукожившись на пластиковых стульчиках. Почетные хлебобобы по традиции занимают первые ряды. Оттуда их в программном порядке извлекают знакомые до боли голоса телеэкрана.

– А теперь Витебская область, – кричат ведущие. Витебская область нестройными рядами течет на сцену. Победителям вяжут почетные ленты и отправляют на холодные стульчики, которые сценаристы зачем-то обозвали зрительным залом. В паузах между районами и областями звучат нацио-

нальные мелодии и хоровые коллективы. Соседствующая ярмарка подвывает: «Да здравствует Россия!».

ГОРОД-САД

Насмотревшись на передовиков, оршанцы возвращаются на главные улицы. Кто-то идет к транспортным веткам, где витебская ГАИ «дожинает» расслабленных водителей без техосмотра, кто-то – на площадь Ильича. В этом году вождю пролетариата явно не везет. Нет бы-

лого уважения к подвигам коммунизма. В 90-х вряд ли бы кто решился возвести перед лицом вождя сцену и опутать ноги силовыми кабелями. Но эпоха светлого коммунизма канула в Лету, а градостроители решили на всякий случай подсветить монумент «на все четыре стороны». Впрочем, пламенный взор, подсеченный зад и смятая кепка вызывают меньше благоговения и страсти, нежели бутики у площади. Во имя урожая ленинский пятак оккупировали мастера и подмастерья домов культур и профильных кружков по интересам. Популярный товар – глиняные свистульки и карандашные картины пера оршанских живописцев. Последние творят прямо под открытым небом, рисуя в угоду толпе портреты приезжих панков и прочей «мохнатой» молодежи.

Вольные живописцы – за всегда «ленинской площади». Еще в прошлом году они рисовали на ней радостные лица молодоженов. Но местный ЗАГС съехал, уступив место бытовой технике. Теперь в залах бракосочетания живут умные холодильники и кофеварки, а за столиками расписываются будущие должники «Дельта банка».

Возле площади изменилось практически все. Второй город-

ской парк на берегу Днепра приобрел новый смысл и многозначительное название. Бывший «Берег Чернильной Кости» теперь именуется «Сказочная страна». Валяющихся в траве алкашей заменили на деревянных пчелок и гномиков, а знаменитый сортир с видом на Днепр превратился в шикарный аттракцион с паровозиками. Появился в парке и настоящий памятник то ли Гулливеру, то ли Гансу Христиану Андерсену. Трехметровая фигура с лилипутом на руке сверлит взглядом ленинскую спину и бросает тень на карликовый бюст юного Владимира Короткевича. Белорусский классик, прячась в кустах, повернулся к Орше спиной. Раньше юный писатель водил мечтательным бронзовым взглядом по парковой улице, те-

перь же грустно смотрит на Днепр и беснующуюся малышню.

Несмотря на то, что «Сказочную страну» на тот момент еще не презентовали президенту, детвора успела испробовать все аттракционы. Те, что работали от электричества и силовых установок, привыкшие к трудностям дети раскачали и запустили в полет вручную. По ходу появились и первые кандидаты на хирургическое шитье. Благо праздник кровью не испортишь...

В том, что работа над городом проделана титаническая, никто не сомневается. Даже бродячие псы отметили «Дажынкі» сном на тепличной травке и цветах. Устроители торжеств забыли украсить разве что удаленные улицы. Но в общем и целом праздник прочувствовали все.

В ОЖИДАНИИ ЗАВТРА...

Пятничным вечером в Орше гремел фейерверк. Наутро оршанцы готовились к встрече президента и спешили домой. Во дворах микрорайонов людей поджидал старый асфальт и битая плитка, которую не успели уложить строители. Обитателей центрального района зрители праздника заставили спешно обдирать с оконных европакетов наклейки производителей. Одно из благ цивилизованного ремонта избранные оршанцы получили за полцены. Тому, кто отказался платить, поставили бесплатно.

– **Дуся,** держи меня... – хрипела дородная дама, цепляясь за липкую обертку окна.

Упираясь короткими, но сильными ножками, Дуся пыталась удержать подругу на парапете.

– Зачем рискуем? – бурчала она.
– Дура ты, Дуся. Завтра президент приедет, а мы с тобой не готовы.

Поздно ночью на улицы Орши вышли строители и остатки многочисленных бригад бетонщиков, дорожников и оформителей. Еще несколько часов приграничный город проведет в роскоши и предсвадебных приготовлениях. Потом красота умрет, затертая зимой и отсутствием финансирования. Но память о том, как город празднует «Дажынкі», будет жить, наверное, вечно *etc.*

КАТМАНДУ ТЫ МОЯ, КАТМАНДУ

Непал – очень большая страна, только «смятая»

Рома КАРАЧЕВ, Фото: Даниил ПАРНЮК

Для тех, кто не бывал в Непале, специально процитирую одного местного паренька: «Непал – на самом деле большая страна, только очень смятая». Действительно, до 80% территории Непала занято самыми высокими горами в мире, и если долго бродить по ним, то можно чрезвычайно увлечься и очень легко забыть о том, что внизу. Но и внизу есть на что посмотреть!

Первый раз я приехал в Непал 12 лет назад. Тут еще всю ощущалось скромное обаяние феодализма, царила буквально абсолютная монархия во главе с добрым королем, и за месяц я не встретил ни одного русского. Это, конечно, не значит, что их, то есть нас, тут не было вовсе, но когда несколько дней назад в респектабельном столичном пригороде я увидел на заборе надпись «Зенит – чемпион!», то понял, что даже в этом гималайском царстве-государстве время не стоит на месте.

Если вы прилетите в Непал на самолете, то окажетесь прямо в Катманду – другого международного аэропорта в стране просто нет. При наличии действительного паспорта любой страны, фотографии и 30-ти долларов вам за десять минут поставят визу сроком на два месяца. По земле, из Китая и Индии, процедура въезда такая же.

В столице есть громадный отель «Хайят», и можно поселиться прямо

в нем. Место известно тем, что в нем часто останавливаются всякие знаменитости вроде рок- и кинозвезд, моделей и соборов крупных телеканалов. Я читал интервью с Кейтом Ричардсом из «Роллинг Стоунз», где он так упомянул лабиринты этого отеля (цитирую по памяти): «Спал я тут с одной теткой, потом пригляделся – а это вовсе не она. Ошибся дверью в гостинице. Бывают же ошибки в жизни. Но ведь никто не жаловался!». Номера там не дешевые, и вы, скорее всего, туда просто не поедете. Поэтому для вас существуют три другие возмож-

ности – Фрик Стрит, Тамель и район ступы Боднатх.

Тут, конечно, и дым пожиже, и труба пониже, чем в «Хайяте», но стоит ли ехать в Непал, если в той же Мокве вы можете пожить в точно таком же отеле за точно такие же немножко бешеные деньги?

Итак, Фрик Стрит – это именно то место, где в 60-х годах прошлого века селились хиппи. Там и сегодня можно встретить людей, одетых так, что они выглядят иностранцами во

всех странах мира – во что-то условно этническое, цветастое и расклешенное. Они, как правило, дружелюбны и улыбкивы, любят порассуждать о старых добрых временах. Говорить с ними бывает любопытно, единственное неудобство – от постоянного употребления гашиша эти люди к концу фразы часто забывают ее начало, поэтому нить разговора иногда теряется. Зато, если все же удастся что-то понять, их рассказы звучат как рассказы очевидцев трехсотлетия дома Романовых. Если интересуетесь, то вам прямо сюда и надо: улица находится в центре города, ночь в местном гестхаузе обойдется доллар в два-три.

В районе Тамель в основном селятся туристы и альпинисты. Здесь много отелей и ресторанов, «заточенных» под западных людей, есть небольшие супермаркеты, где можно купить привычные для нас продукты, сигареты и алкоголь. По вечерам в кафе непальские группы играют каверы западных шлягеров (в основном это музыка моей противоречивой юности, что-то вроде Deep Purple и The Doors). Вход везде бесплатный, внутри достаточно заказать что-нибудь поесть или бутылку пива. Также можно посмотреть местный стриптиз. Сразу скажу, что к концу представления непальская девушка

остается в шортиках и майке – ничего по-настоящему экзотического вы там не увидите, но за зрителями наблюдать интересно.

И в Тамеле, и на Фрик Стрит к вам будут подходить неопрятные люди с лицами, отмеченными большим стажем саморазрушения, и предлагать купить «марихуана, гаш-ш-ш-ш энд мэджик машрумс». Последнее – это банальные поганки, после приема которых вы будете сутки в «отрубоне», и еще неизвестно, каким из этого трипа вернетесь. Внешность дилеров говорит сама за себя, и без всякой просветительской работы ясно, что покупать и употреблять их товар не стоит. Но если вы из «любителей», то найти их и «подружиться» труда не составит.

Возле ступы Боднатх селятся в основном те, кто ищет Освобождения и Просветления. Тут же находятся монастыри многих известных тибетских лам и клиники тибетской медицины. Последних с каждым годом становится все больше – как и западных туристов, которые хотят поправить в них свое здоровье. То есть спрос и тут рождает предложение, и на эти предложения наши тела благодарно откликаются новыми болячками. Лично я три раза в жизни по раз-

ным поводам обращался к тибетской медицине – всегда безрезультатно. Но знаю немало людей, которым она реально помогла. Так что если на вас уже махнули рукой отечественные доктора, можно попробовать подлечиться тут. Стоит это, кстати, вполне по-божески.

А вот из последних медицинских новостей: тут же, недалеко от ступы, в одной тибетской клинике в последнее время стали предлагать «золотой эликсир», состав которого малопонятен, но который, по словам докторов, способен продлевать жизнь человека чуть ли не вдвое. Это уже, сами понимаете, за совсем другие деньги – ведь

подольше прожить хотят все, и больные, и здоровые (хотя лишь немногие ясно представляют себе, зачем им это нужно). И тут, я думаю, будет уместным рассказать одну небольшую и поучительную историю.

При Сталине, если помните, был такой академик Александр Александрович Богомолец. Среди всего прочего – автор теории долголетия, в которой утверждал, что человек может жить лет эдак до ста пятидесяти. Советская власть в лице лично товарища Сталина внимательно следила за его работой, отметила Госпремией в 1941 году и званием Герой Социалистического Труда в 1944. А в 1946 году

академик просто взял и умер, прожив, в общем-то, относительно немного – шестьдесят пять лет. Когда Сталин узнал об этом, то только и произнес: «Вот мерзавец, всех обманул!».

Всех европейцев (к которым тут относятся также американцы, австралийцы и даже японцы), живущих возле ступы Боднатх, условно можно разделить на две группы. Первые – это вполне адекватные люди, которые по утрам ходят к своему ламе, слушают лекции и учатся медитации, а вечерами сидят в кафе с ноутбуками на коленях. В промежутке между этими занятиями они преподают в какой-нибудь школе или на курсах,

к примеру, английского языка, чтобы иметь возможность без проблем продлевать непальскую визу. Они вполне толково могут разъяснить вам какие-то местные вопросы, но обычно немножко себе на уме.

Другие же – это слегка космического вида персонажи, которые ходят ко всем ламам без разбора, посещают все лекции подряд, нигде не работают и ясно объяснить ничего не могут. Многие из них, по их же словам, находятся на «прямой связи с пространством» и «постоянно подключены к информационному полю Земли». Я – человек прозаический, и до меня не всегда доходит смысл та-

ких поэтических метафор, а также то, где все эти «космонавты» берут деньги. Ведь многие из них живут тут буквально годами! Вот недавно, например, в туристическом магазине я познакомился с группой русских, которые закупили снаряжение на несколько тысяч долларов, – они рассказали, что собираются в трек вокруг Анапурны «для тренировки», а затем едут в Тибет «проверить Мулдашева» и смотреться в «зеркало мира».

Впрочем, все эти люди чаще всего неагрессивны, тихи и ненавяз-

чивы, и жить возле ступы достаточно приятно.

Среди многочисленных плюсов у жизни в Катманду есть серьезный минус. Если вам, к примеру, захочется спеть песню «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!», то спеть-то вы ее, конечно, сможете, но все это будет здесь неправдой. Практически постоянно над городом висит облако смога, и на улицах часто можно встретить людей с хирургическими масками на лицах. Честно говоря, я как уроженец

«солнечного» Петербурга больших неудобств не испытываю, но людям, прибывшим из сибирской или австралийской глубинки, первое время дышать приходится буквально через раз. У многих обостряются респираторные заболевания, и даже существует такой специфический местный диагноз – «кашель Катманду». Но вы уже знаете, где искать местных докторов – они вам выпишут что-нибудь на основе ферментированного кала грифа с бирюзой, толченной тибетской девственницей в полнолуние, – и это быстро поставит вас на ноги.

Помните, что сказал Поль Валери по поводу своего – да и нашего с вами – существования? Напомню – он сказал: «Иногда я мыслю, следовательно, иногда я существую». Я не знаю, был ли Поль Валери в Непале, но он очень точно описал состояние, которое можно испытать наутро после приема местных алкогольных напитков, – особенно выражением «иногда я существую». Крепкий алкоголь – а слабый в Непале практически не производится – носит знакомые нам названия: водка, джин, виски – и свободно продается в магазинах. Но на этом его сходство с напитками человеческой цивилизации и заканчивается: после приема двух-трех

рюмок сразу, без стадии опьянения, наступает адское похмелье, бессмысленное и беспощадное. Впрочем, местный ром «Кукури» неплох: если пить его с горячим и сладким чаем, то это помогает с комфортом пережить прохладные зимние вечера.

В последние годы в Непале появилось много импортных спиртных напитков. Из знакомых всем можно встретить «Столичную» водку, «Советское шампанское» и портвейны крымского завода «Массандра». Столовое французское вино стоит 5-6 долларов за бутылку, а на распродажах в специальных алкогольных магазинах долларов за 10 можно купить что-нибудь австралийское конца прошлого века – уценено оно будет только из-за того, что это последние бутылки в партии или у них повреждена этикетка.

Одно время я пытался вникнуть в политическую жизнь страны: читал в кафе газеты, смотрел телевизор, разговаривал с местными – но так до конца ничего и не понял. Тут несколько лет назад в связи с гибелью короля была темная и трагическая история, многим напомнившая шекспировский сюжет, – знаю-знаю, все читали про Ричарда Третьего, поэтому не стану утомлять вас подробностями.

После этого страна оказалась чуть ли не на пороге гражданской войны и безвластия. На треклах маоисты под дулами автоматов собирали с туристов «добровольные» пожертвования (если быть вежливым и торговаться, то можно было сойтись на двадцати долларах), обстреливали блокпосты и автобусы, а в Катманду правительство систематически вводило комендантский час (кажется, с 9 вечера до 5 утра). Интересно, кстати, что европейцев это ограничение не касалось – только

местных, – и два года назад я любил гулять ночью по городу: Катманду был почти совершенно пуст и от этого еще более сказочен.

Сейчас все как-то утряслось, должность короля весной упразднили (но никого не расстреляли), выбрали президента. Однако на улицах иногда встречаются колонны рассерженных молодых людей, крепко сжимающих в руках красные флаги. «Здравствуй, племя молодое, незнакомое!» – проносится у меня в голове. И хочется крикнуть: «Верной дорогой идете, товарищи...». Да только вот я забыл – восклицательный или вопросительный знак в конце этого предложения.

Когда я в очередной раз возвращаюсь отсюда на Родину, то, подождав, пока я закончу отъедаться салатом «Оливье» и селедкой «под шубой» с буханочкой «Бородинского», мои товарищи задают мне один и тот же вопрос: «Ну вот, Рома, скажи честно, было у тебя что-то с непальскими девушками или нет?». Мужская доблесть не позволяет мне рубануть с плеча позорную правду-матку, и я, пряча глаза, отвечаю что-то в том плане, что если скажу «нет», то мне не поверят, а если скажу «да», то это будет вроде как хвастовство. Но вам отвечу как на духу: не было ничего

и никогда! Конечно, там это гораздо проще устроить, чем, скажем, в Индии или Бангладеш, но все же культурные, этнические и языковые барьеры преодолеть достаточно сложно (если, конечно, не покупать любовь за деньги). Тем более, вокруг много соотечественниц и просто западных туристок, которые находятся в том же положении, что и вы, и с которыми договориться куда легче.

Но вот иногда смотришь на местных девушек – а среди них по-

падают просто красавицы – и думаешь: «А может жениться тут, поселиться в домике с плоской крышей, выписать из России собрание сочинений Достоевского, внимательно перечитать его и попытаться, наконец, ответить на «вечные вопросы русских мальчиков»: кто мы такие? зачем мы тут? куда идем? А ответив (или не ответив), выпить вечерком стаканчик массандровского марочного, лечь на плоской крыше лицом вверх, обнять любимую жену и смотреть на звезды» *etc.*

И ДИЧЬ, И ВОДКА, И ЛЮБОВЬ...

Будни переводчика, или чему не учат в университете

Ольга РОКСА

О том, что в Беларуси развивается въездной туризм, знает, пожалуй, не только ленивый, но и слепоглухонемой обитатель Полесских болот. Легко привлекать иностранных туристов прекрасными песчаными пейзажами, чудесными горными видами или, скажем, древними историческими памятниками. К сожалению, в нашей стране нет ни первого, ни второго, а третьи в свете последних реставрационных работ в Несвиже и Мире остаются под вопросом. Однако несомненным остается то, что достаточно много туристов приезжает в Беларусь именно из-за нашей природы.

Не сказать, чтобы природы уникальной, но все же мало затронутой облагораживающим влиянием человека. Кто-то приезжает просто понаблюдать в бинокли за птичками в их естественной среде обитания. Кто-то – с более кровавыми намерениями и двустволкой, намереваясь увезти если и не рога зубра, то по крайней мере пару десятков вальдшнепов, или куропаток, или, на худой конец, уток.

Уже пять лет каждую весну и осень я езжу с иностранными охот-

никами по полям, озерам и лесам нашей страны в поисках разной дичины. Переводчик нужен не столько для того, чтобы обеспечить перевод с одного языка на другой, сколько для того, чтобы не дать иностранцам потеряться в нашей реальности. Но начнем с самого начала.

Аэропорт. С заполненными декларациями (по 2 экземпляра на каждого охотника), разрешением на провоз оружия и боеприпасов я жду иностранцев за непрозрачными дверями в святая святых таможни, куда

не пускают обычных встречающих. Кстати, абсолютно ничего интересного в этой комнате нет: несколько таможенников, телевизор, через который будет просматриваться багаж, и багажная лента.

Офицеры таможни сверяют количество патронов, ввозимых охотниками, с тем, что написано в декларации и в разрешении, а также сличают номера стволов и прикладов оружия. Вся эта информация предоставляется охотниками заранее. Для того, чтобы получить разрешение в министерстве, требуется от нескольких дней до нескольких недель. Хуже всего приходится в ситуации, когда по какой-либо причине (чаще всего из-за невнимательности самого охотника, поленившегося перепроверить циферки на своем прикладе) номера самого ружья и того, что написано в украшенном госпечатами разрешении с водяными знаками, не совпадают. В лучшем случае переводчика ждет нагоняй от офицеров таможни за небрежность в оформлении документов, в худшем – оружие останется в сейфе в аэропорту ждать своего владельца. Охотник получит свое имущество обратно лишь при вылете. Второй вариант не то чтобы плох. Он катастрофичен. И для охотника, и для турфирмы, продавшей ему тур,

и для охотхозяйства, подрядившегося организовать охоту. По законам Беларуси владелец огнестрельного оружия не имеет права передавать его другому лицу. Так что, по идее, не может быть и речи об «аренде» чужого ружья. Штраф до тысячи евро и лишение лицензии «отблагодарят» сердобольного, давшего взаймы свое собственное оружие. Однако иногда жажда наживы преобладает, и обыкновенное охотничье ружье можно неофициально «одолжить» за 20-25 евро в сутки.

Но вот все номера сверены, патроны не единожды пересчитаны, и иностранцы вступают на гостеприимный асфальт белорусского аэропорта «Минск-2», пытаясь пробиться к ожидающей их машине, что в нашем забитом автомобилями аэропорту достаточно непросто. В это время переводчика ждет вторая часть эпопеи «Аэропорт» – оформление документов на собак. Именно поэтому я больше люблю весенний сезон, в течение которого охота с собаками запрещена. Каждая приличная собака прилетает в нашу страну с соб-

ственным паспортом, где указана ее дата рождения, номер чипа, фамилия владельца, сделанные прививки, а иногда и вклеена фотография. В ветеринарной службе аэропорта необходимо заплатить некоторую сумму и получить ветеринарный сертификат – своеобразную отметку о прибытии животного. Еще один подобный сертификат необходимо получить и в том регионе, где собака проведет следующие несколько дней, а потом еще один – снова в аэропорту перед отлетом. Нет нужды повторять, что платить придется каждый раз. Цена подобного свидетельства на каждую собаку варьируется от 15 до 45 тысяч белорусских «зайчиков».

Сказать по правде, больше всего умиляет чувство собственной значимости у отечественных ветеринаров, верящих, что без этих бумажек собак не пустят в Евросоюз. После окончания таможенных формальностей при вылете эти бумаги можно смело выкидывать в ближайшую урну.

И вот, наконец, весь багаж в машине, кипа документов в особой папочке, которую нежно прижимаешь к груди, все расселись по своим местам, и впереди увлекательное путешествие длиной от 1-го до 4-х часов – в зависимости

от того, в каком уголке нашей страны будет проводиться охота. В дороге отвечаешь на многочисленные вопросы и реагируешь на восклицания охотников, многие из которых первый раз не только в Беларуси, но и вообще на постсоветском пространстве:

– Да, у нас очень красивая природа.

– Да, цены на бензин сравнимы с итальянскими.

– Нет, на выходные дождь не обещали.

– Да, ремонт дорог у нас – национальное хобби, особенно осенью.

– Нет, у нас не коммунизм, просто сильная президентская власть.

И все в таком духе и роде.

Наконец-то охотхозяйство и милый, уютный «домик охотника» – небольшое деревянное строение с

несколькими комнатами, большой столовой с камином, трофеями на стенах и шкурами убитых кабанов или волков на полу или кроватях. Однако иностранцев, привыкших к несколько иному образу жизни, волнует прежде всего качество обустройства санузла. К сожалению (а может, к счастью), для нас биде – не жизненно необходимая вещь. Остается теперь объяснить это иностранцам. И один душ на 4 человека – тоже не самая большая проблема, туда можно ходить по очереди. Нервно скреживая за спиной пальцы, надеешься, что будет хотя бы горячая вода.

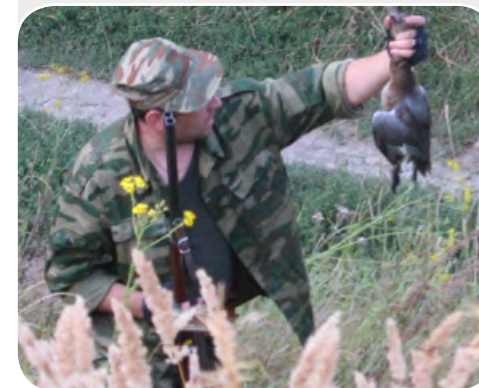
Первый день охоты, утренний кофе и тосты, все полны радостного возбуждения, и лишь переводчика терзают необъяснимые предчувствия, чаще всего мрачные. Несколько расхолаживает иностранцев то количество бумаг, которое им необходимо подписать, а охотоведу – заполнить. После получаса официальных процедур все наконец-то грузятся в старенький УАЗ. Три охотника, три ружья, шесть собак. Вроде все и все на месте, и, надрывно скрежеща деталями, знаменитая советская машина начинает движение.

Чаще всего осенью иностранцы приезжают охотиться на куропаток,

перепелов, тетеревов, вальдшнепов, рябчиков. Наши собственные охотники не размениваются на такую «мелочь», поэтому нужной дичи всегда достаточно. Тем не менее любую охоту надо организовать, а вот с этим порой возникают трудности. И на фразу егеря «Да мы в прошлом году вот на этом самом месте поднимали тетеревов» или «В начале сентября тут сам видел куропаток» – а на дворе уж ноябрь – хочется сломать что-нибудь, желательно о голову этого самого егеря.

Обычно к приезду охотников угодня готовятся, и егерь знает о местонахождении птицы с погрешностью до 20-ти метров, однако вышеупомянутые ситуации – не редкость, и тогда погрешность возрастает до «поля туда, поля обратно». Любимый аргумент отечественных егерей заключается в том, что вся наша птица «дикая, непривязанная». На пожелание увидеть ее хотя бы вдалеке, пусть и мельком, слышишь ответное пожелание поехать, скажем, в Польшу, где куропаток выращивают «как кур», а также жалобы в духе «что женщина может понимать» в таком истинно мужском занятии, как охота.

Но если охота удалась и дичь есть, и не только вдалеке, но и в твоих

собственных руках, то все можно пережить. И отсутствие горячей воды, и ужасную еду, которую в этом месте, по недоразумению именованном рестораном, называют национальным блюдом, и девушек, которые познакомились с охотниками по интернету, а теперь жаждут пообщаться ближе и интимней.

Вспоминая девиз умудренного опытом Карлсона («Спокойствие, только спокойствие!»), растапливаешь с утра камин, готовишь завтраки, водишь УАЗ по причине алкогольной невменяемости одного из егерей. По этой же причине загоняешь вальдшнепов наравне с охотничьим сеттером, делаешь уколы заболевшей собаке и выполняешь еще кучу вещей, которые совершенно точно не входят в понятие «обязанности переводчика». И даже одна из девушек, залезшая на

стол лишь в колготках, но с вальдшнепом в руках, и пытающаяся танцевать канкан и при этом мяукать, вызывает только философский зевок. В голове крутится огромный список дел на следующий день.

Но вот и последний день, и снова аэропорт, и задаешься вопросом, почему большинство рейсов в Евро-

пу улетает рано утром, и в аэропорт надо прибыть никак не позже 5 утра. Позевывая и ежась от утренней прохлады, прикатываешь тележки (которые, несмотря на вылет в 5-м секторе аэропорта, почему-то оказались только в 3-м) и спешишь пожелать доброго утра старым знакомым ветеринарам. В конце концов, если ты уже бодрствуешь, то почему кто-то еще

спит? Снова заполнение ненужных документов на собак, а также – сертификата на дичь, который тем более не понадобится. Ввоз любой дичи в Евросоюз запрещен, и делают все это охотники на свой собственный страх и риск.

Наконец-то объявлена регистрация. В следующий час попытаешься успеть везде, объясняясь а) с таможенниками, которые снова будут считать патроны, сверять номера ружей и пожелают узнать, как выглядят 22 тушки куропатки в пере (так написано в сертификате на дичь); б) со службой безопасности аэропорта, которая ожесточенно что-то черкает в своих бумагах; в) с девушкой за регистрационной стойкой по поводу перевеса багажа.

Таможенников удастся убедить, что 22 куропатки в пере выглядят, собственно, как 22 куропатки в пере. И вообще, они заморожены и их не рекомендовано вытаскивать из особых термопакетов. И глубоко запрятаны в багаж, чтобы не нашли европейские таможенники. И надо перевернуть полчемодана в их поисках. В глубине души робко надеешься, что все эти доводы отобьют охоту смотреть и проверять.

«Благодарность» авансом, аккуратно переданная нужным людям на регистрации, весьма значительно снижает сумму, которую необходимо заплатить за перевес багажа. Лишь служба безопасности аэропорта недоверчиво косится и хмурится, предполагая в твоих охотниках минимум представителей мафии на отдыхе, а максимум пособников и продолжателей дела Бен Ладена.

В последний раз проверяешь, на все ли клетки с собаками приклеены разноцветные стикеры, утверждающие, что груз все-таки полетит в Рим, Франкфурт или еще куда-нибудь. С совершенно неуместной для прощания радостной улыбкой поворачиваешься к охотникам и желаешь им хорошего полета, недвусмысленно подталкивая в направлении кабинок пограничников. На выходе киваешь на прощание таможенникам. Теперь стаканчик мерзкого кофе из автоматов и сигарету.

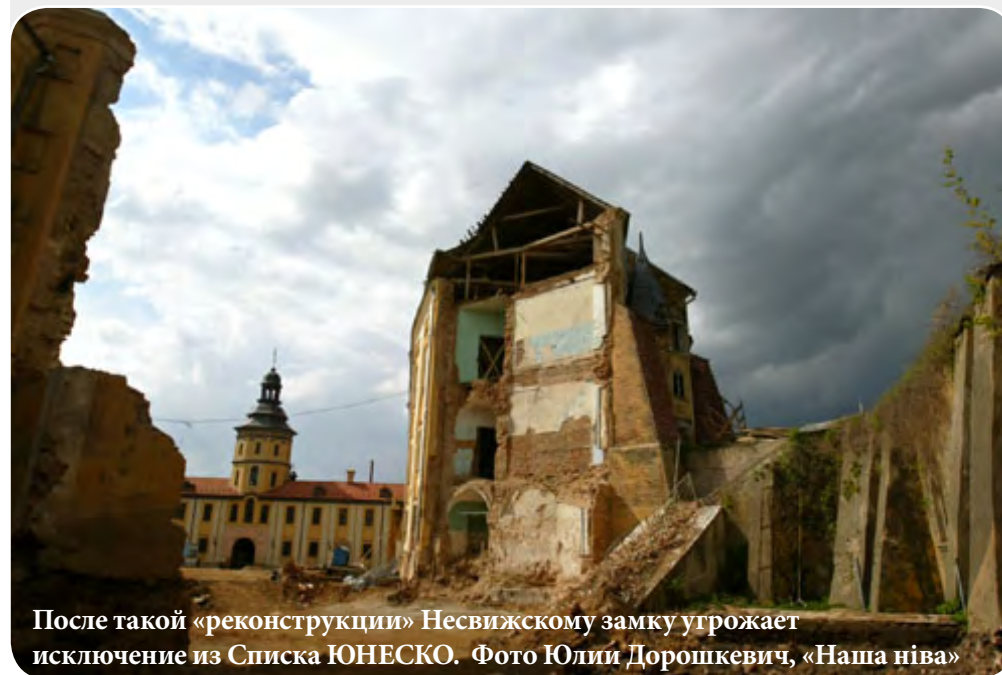
Умиротворенно прихлебывая сладкую жидкость, лишь по недоразумению гордо именуемая кофе, наблюдаешь за тем, как встает солнце. И почему ты раньше не замечала, как это красиво? *etc.*

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

Зачем чиновники убивают историю?

Кастусь ЛАШКЕВИЧ

Восемь лет назад Беларусь «начала» обзаводиться культурными ценностями мирового значения. Первым в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО был включен Мирский замок. Казалось бы – прекрасное начинание, гарантирующее национальной культуре если не процветание, то по крайней мере сохранность. Увы. Похоже, ситуация, наоборот, становится все чудовищней. О сегодняшней обстановке в сфере историко-архитектурного наследия корреспондент ET CETERA беседует с председателем республиканского совета Белорусского добровольного товарищества охраны памятников истории и культуры Антоном АСТАПОВИЧЕМ.

После такой «реконструкции» Несвижскому замку угрожает исключение из Списка ЮНЕСКО. Фото Юлии Дорошкевич, «Наша ніва»

«НЕТ ПАМЯТНИКА – НЕТ ПРОБЛЕМЫ»

– **В** начале 1990-х Государственный список историко-культурных ценностей Беларуси насчитывал более 15 тысяч объектов, теперь – лишь более 4,7 тысяч. Куда исчезли остальные?

– **С**писок начал активно «худеть» после распада СССР, когда из него исключили множество объектов советской эпохи, не представ-

лявших историко-культурной ценности. Однако вместе с ними из-под охраны государства выпали и ценнейшие архитектурные, археологические памятники. И этот тревожный процесс продолжается, ведь в начале XXI века в списке еще находилось свыше 6000 единиц.

– **Почему так происходит?**

– **Нет памятника – нет проблемы.** По моим данным, последний Госсписок от 14 мая 2007 года готовили представители местной вер-

тикали. Дабы избавиться от ответственности и урезать расходы, они постарались, чтобы многие объекты в него не вошли.

Загвоздка еще и в том, что у нас регулярно нарушается процедура исключения памятников из Госсписка. Согласно Закону об охране историко-культурного наследия, объект выводится из списка постановлением Совмина на основе решения Научно-методического совета по вопросам историко-культурного наследия при Министерстве культуры. На деле же просто появляется новый вариант закона с «похудевшим» списком.

– **Какие уникальные объекты сегодня не охраняются?**

– **Недавно** я ездил в деревню Дворец Дятловского района на встречу со школьниками. Там прекрасный необарочный костел начала XX века, оригинальная псевдорусская церковь и руины водяной мельницы XIX века. Ни одного из этих строений нет в Госсписке! И таких примеров – уйма по всей стране.

Подчеркну, что внесение в Список вовсе не гарантирует объекту безопасность. Ярчайший пример

– исторический центр (далее – ИЦ – К.Л.) Минска – комплексная историко-культурная ценность 1-й категории. На протяжении последних лет в нарушение действующего законодательства ведутся строительные работы, уничтожаются последние сохранившиеся исторические постройки, изменяется уникальный ландшафт, без предварительных исследований вывозится культурный пласт. Верх неуважения к закону – возведенный, несмотря на протесты ученых и общественности, паркинг на Немиге.

Последний случай: в начале года в деревне Яновичи Клецкого района разрушили деревянный двухъярусный амбар XIX века, хотя он находился под охраной государства. Подобным образом уничтожаются сотни памятников, и никому до этого нет дела.

– **Ведет ли Товарищество их учет?**

– **В** следующем году мы сформируем рабочую группу, которая займется составлением мартиролога уничтоженных памятников истории и архитектуры. На интернет-сайте будет размещена информация об объектах, а также указаны вино-

Антон Астапович

фото К.Лашкевича

вные в их утрате. Страна должна знать своих «героев».

ЧТО МЫ ПОТЕРЯЛИ

– **Спадар Антон,** какие наибольшие потери на культурно-исторической ниве мы понесли в годы независимости?

– **Прежде** всего, назову катастрофу с ИЦ Минска. Это уничтожение не только аутентичной комплексной застройки, но и той исторической матрицы, опираясь на которую позже можно будет провести истинную реконструкцию со-

гласно международным стандартам. Это преступление национального масштаба!

Настоящее бедствие происходит и с объектами Списка ЮНЕСКО. В Несвижском замке в ходе реставрации нарушены все возможные законы и методики. Мне известно, что польские консерваторы уже выступили с инициативой об исключении замка из этого списка, представив досье с многочисленными нарушениями при реставрации.

Много вопросов возникает и по реконструкции Мирского замка. В последние годы до неузнаваемости изменен облик ИЦ Гродно...

– **Куда ни глянь – проблемы.** Ну а есть ли положительные примеры?

– **Их,** к сожалению, немного. У нас почти нет претензий к ходу реставрации дворца Козел-Поклевских в деревне Красный Берег (Жлобинский район), бывшего иезуитского комплекса в Юровичах (Калинковичский район). Есть предпосылки для удачной реконструкции дворцово-паркового комплекса Булгаков в Жиличах (Кировский район).

Считаю позитивом восстановление минской и могилевской ратуш, витебских соборов. Конечно, подобная «муляжная» реконструкция в мире не приветствуется. Но в 2003 году был принят международный документ – Рижская хартия, которая разрешает Беларуси, Украине, России и странам Балтии заниматься научно обоснованным муляжированием в связи с большими утратами памятников в годы коммунистического правления.

Однако у нас зачастую разрушают строения XVIII-XIX века, которые можно было сохранить, а на их месте из современных материалов возводят муляж. И доску прибивают – «Историко-культурная ценность». Так «реконструированы» многочисленные объекты Верхнего города в Минске. В Несвижском замке снесли боковую трехэтажную галерею, а на ее месте возвели современную. В Гродно это делается на каждом шагу...

– **Почему власть предрасположена не заинтересована в сохранении истории? Ведь это потенциальная «золотая жила» туризма...**

– **Во-первых**, проблема в различиях нормативно-правовых ак-

тов. Закон об охране и подзаконные акты не увязаны с нормативно-правовой базой капремонта и капитростроительства. Во-вторых, тут замешаны коррупционные процессы. Новое строительство, капиталовложение – это кому-то выгодно.

Но самое главное то, что люди «во власти» не чувствуют связи с национальными корнями. С середины XIX века в Беларуси началась оккупация на уровне духовности: навязывание российской культуры, архитектурных стереотипов (уничтожение ратуш, перестройка костелов в церкви)... В советское время продолжилось тотальное разрушение традиционного сознания народа, культурного ландшафта. Теперь по инерции духовная оккупация продолжается. Чиновники не представляют ценности памятников. Ты ему говоришь про нарушения законодательства, а он в ответ: «Зато как мы красиво сделали! И на улицах у нас чисто».

Вдобавок ко всему в научных кругах господствуют посредственности. Настоящих профи (а это, прежде всего, свободный в своих устремлениях, мыслях человек) у нас очень мало, и они вытеснены из процесса сохранения историко-

культурного наследия. Ученые же и архитекторы, ответственные за принятие решений, ради сохранения своих государственных должностей готовы «сдать» любой памятник.

«ЧТО ЭТО, ЕСЛИ НЕ КОРРУПЦИЯ?»

– **В** какую сторону изменилась ситуация по сравнению с советским временем?

– **Такого** тотального уничтожения культурных памятников (за исключением культовых) в СССР не было. Реставрации проводились профессиональнее. Советские законы работали лучше, и на любого чиновника-самодура можно было найти управу. Даже дойдя до ЦК КПСС. Так, Верхний город, который хотели уничтожить в конце 1970-х, удалось сохранить благодаря вмешательству самого Машерова.

Теперь же все, что делается в том же ИЦ Минска, продиктовано деньгами. Иными словами, законодательство прогибается под определенные финансовые группы. Что это, если не коррупция?

В 2005 году мы добились, чтобы наше письмо с перечислением всех нарушений и предложениями по грамотной реставрации ИЦ столицы попало на стол президенту. Он был возмущен и поручил помощникам заняться этим вопросом. На спецсовещании чиновники лишь развели руками, мол, нарушения признаем, но ведь нет же альтернативы.

В прошлом году мы предложили разработанный бывшим главным госинспектором по охране наследия Мингорисполкома Владимиром Папурогой альтернативный проект реконструкции и благоустройства ИЦ. Предложения сводили к нулю нарушения законодательства и откровенно более 250 тысяч «квадратов» инвестиционных площадей. У функционеров горисполкома не нашлось аргументов «против», но проект они отклонили.

После недавних разоблачений высоких госчинов генпрокурор Василевич призвал граждан сообщать о случаях коррупции. Я уже два года атакую прокуратуру письмами, в которых детально описываю факты коррупции. В ответ – лишь отписки *etc.*

БОМЖ

Елена ЧЕТВЕРНЯ

«Бомж белорусский» на сегодняшний день представляет большой интерес для современного общества как вид малоизученный. Несмотря на то, что места обитания бомжей расположены в непосредственной близости к человеческим, их отталкивающий внешний вид, характерный запах, а зачастую и асоциальное поведение являются серьезными препятствиями на пути сближения с человеком разумным, вызывая у представителей последнего чувство брезгливости, страх и недоверие.

Желая приоткрыть завесу тайны существования и жизнедеятельности белорусских бомжей, я посчитала наиболее эффективным способом самой отправиться в место обитания этого биологического вида и вступить в контакт с его представителями. На удивление простой задачей оказалось при помощи общего знакомого выяснить, что искомая особь из минской популяции обитает в катакомбах рядом с городской

теплоэлектростанцией. Вернее, эти катакомбы служат ночлегом холодными зимними ночами и помогают не замерзнуть в мороз бомжу Мише. В этом «жилище» расположена теплотрасса, где воздух постоянно горячий (до +30°C) и спертый (что затрудняет дыхание), там же царит вечная тьма. Вопреки моим худшим ожиданиям увидеть физически и морально деградировавшее существо, из люка передо мной предстает немолодой мужчи-

на хоть и неопрятной наружности, но абсолютно адекватный, дружелюбно настроенный, очень вежливый, спокойный и по-стариковски медлительный.

В силу возраста, а может, из-за богатого опыта бомжовского существования Мишу иначе как «дед» никто не называет, а неопытные бомжи с двух-трехлетним «стажем» перенимают навыки выживания в непривычных еще условиях.

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Миша за более чем девять лет обитания у теплотрассы удивительно хорошо приспособился к своей среде, обустроил свой быт с комфортом, насколько это, конечно, возможно в данных условиях. Люк над катакомбами, выполняющими функции спальни и печки, окружен площадкой, сплошь покрытой бутылками и мусором. Среди мусора совершенно неожиданным образом обнаруживаются все-

возможные предметы обихода: функционирующий пузатый будильник (благодаря которому дед знает точное время, но вот день недели, число и даже месяц – далеко не всегда), раскладной рыбацкий стульчик, на перевернутой вверх дном ржавой бочке – несколько зубных щеток в стакане (как как выяснится позднее, ни одна из них не принадлежит Мише, но не потому, что он нечистоплотный, – «Было бы что чистить!»), кухонная утварь и бесчисленное множество других полезных вещей, не различимых для непривыкшего глаза в горах мусора. На бельевых веревках сохнет выстиранная одежда вполне гражданского вида, в числе прочих вещей есть даже белые брюки.

Очень любопытно, как выглядит изнутри ночное убежище бомжей. Миша хвастается недавним успешным избавлением от полчищ сверчков, которые населяли катакомбы и нарушали мирный сон деда, нещадно кусая его лысину. Но, несмотря на чудо избавления, сотворенное «Бархимом», спуститься в крошечную тьму люка с целью исследования места ночного обитания моего собеседника я не решаюсь...

Мишу знают все в округе, и это зачастую помогает ему выживать в

жестких условиях. Работники теплоэлектростанции предупреждают деда о предстоящей проверке труб линии электроцентрали, в ходе которой их прочность испытывают невообразимо высокими температурами. Если верить деду, за эти годы ему восемь раз довелось наблюдать, как из люков извлекали останки бездомных, живших в этом районе.

Дед мирно сосуществует с владельцами близлежащих гаражей, которые время от времени угощают его сигаретами или выпивкой, а местные представители органов правопорядка регулярно наведываются проверить, жив ли наш герой.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Бомж Миша активен в светлое время суток. Он просыпается около шести часов утра и отправляется на поиски бутылок и металла, собирательство которых и составляет основу его жизнедеятельности. Далее, переодевшись на «базе» в чистую одежду, дед пешком идет в пункт приема. Пешком – потому что в общественном транспорте «зануда-кондукторша» (первое и единственное ругательное слово, которое прозвучало в Мишиной грамотной чистой

речи) не поддается ни на какие уговоры и упорно не желает пустить его в автобус, даже чтобы проехать 2 остановки. По этой причине Миша всегда перемещается по городу на своих двоих.

Итак, раздобыв деньги, дед приобретает в первую очередь сигареты и бутылку, которую «потихоньку за целый день выпивает».

Надо отдать должное – Миша очень чистоплотный представитель своего вида: моется он трижды в неделю, тогда же организует и масштабную стирку. Благо воду всегда можно набрать из кранов близ ТЭЦ (здесь же пополняются запасы питьевой воды в пятилитровых бутылках), а затем не составляет труда подогреть ее на костре. Периодически дед ходит и в «бомжацкую» баню возле Академии наук: здесь можно бесплатно помыться, постричься и побриться, а также продезинфицировать одежду, но работает баня только с 8.00 до 14.00, а народу всегда очень много.

Зимой, в холода, деду приходится снижать свою активность, так как в течение дня он несколько раз возвращается на «базу», чтобы согреться в люке. Теплая одежда, добытая на свалке и в городских мусорницах,

не спасает. Миша сетует, что к этому сезону ему предстоит позаботиться о новом зимнем гардеробе, так как сантехники, проводившие осмотр труб электростанции в катакомбах, с непонятной целью сожгли всю его одежду и обувь, после чего Мише пришлось еще долгое время выносить горы пепла из своего убежища.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

На просьбу поведать историю своей жизни Миша сначала было расстроил ложной скромностью: «Я про-

стой человек – что обо мне писать!», но, к радости моей, тут же сам начал рассказывать о своих приключениях и перипетиях, ответил на все мои сопутствующие вопросы, и рассказ его длился не один час...

Миша родился в Краснодарском крае в 1950 г. Еще в детстве у него обнаружился талант художника, поэтому естественным решением для юноши стало поступление в художественное училище в Ленинграде. В планах у амбициозного Миши было ни много ни мало открыть музей, в котором бы выставлялись

его собственные картины да работы других молодых художников. Миша искал свой стиль, поэтому пробовал себя в разных направлениях, которых тогда в моде было множество. Он писал, в числе прочего, и иконы, что получалось у него весьма неплохо. Это не осталось незамеченным «добрыми» людьми, которые предложили молодому человеку подзаработать, подделывая документы, а также картины и иконы именитых мастеров. Около года Миша неплохо зарабатывал таким способом, пока однажды его не посадили в тюрьму на 10 лет, которые в реальности обернулись 22 годами – добавили срок как зачинщику тюремного бунта, а после – за попытку побега, за распитие спиртных напитков и бог знает за что еще. После этого Миша еще не единожды побывал за решеткой, где продолжал писать пейзажи и портреты взамен на мелкие тюремные блага (сигареты и чай, например), где бесповоротно испортил зрение, стал регулярно выпивать, потерял и не смог восстановить документы, оказался без крова, пробовал осесть в разных городах России и Прибалтики, подрабатывал, где удавалось устроиться, пока в конце концов не решил в поисках лучшей жизни отправиться в Беларусь... Пешком: на другой способ не было средств.

Уже почти десять лет Миша живет в «неопределенном месте» белорусской столицы и имеет честь называться минским бомжом. Сегодня он не считает свое положение бедственным, но поначалу, признается, было тяжело: милиция часто забирала в «бомжатник», все попытки найти стабильный источник заработка оказывались неудачными, и применение своему таланту художника Миша находил только в виде временных подработок штукатуром.

Справедливости ради стоит заметить, что в Минске бездомные не оставлены без внимания различных социальных организаций, и наш герой знает об их существовании. Так, с 2001 года в «Доме ночного пребывания» (Миша называет его просто «ночлежка») всем нуждающимся готовы предоставить ночлег, накормить, помочь с восстановлением документов и даже с трудоустройством. Как выяснилось, место это чистое, аккуратное, внешне больше напоминает санаторий. Говорят, условия пребывания в первом минском ночном приюте для бездомных не идут ни в какое сравнение с тем, как подобные заведения устроены в США, где полчища тараканов не дают покоя бездомным.

Миша рассказывает, как однажды пытался попасть в этот «рай для бомжей», но, к сожалению, его не пустили. Документы у деда давным-давно украли, при этом он не белорус и минской прописки у него никогда не было, а это – необходимые условия, чтобы попасть в «Дом ночного пребывания». Но Мишу отказ не сильно огорчил: весьма жесткие условия нахождения в данном учреждении делают его намного менее привлекательным для бездомных минчан, чем может показаться на первый взгляд. Находиться здесь можно только с 18.00 до 7.00 (в остальное время бомжи предположительно ищут работу), курить запрещено, а если не дай бог охранник-милиционер почует запах спиртного, нарушителю придется покинуть свой ночной приют немедленно и навсегда!

В Минске помощь бомжам могут оказать еще немало других социальных организаций (например, христианских). Но свободолюбивому Мише не по нраву существующие в них подобные ограничения, поэтому только очень сильный мороз может заставить его прибегнуть к их помощи.

Дед упоминает также бесплатные обеды, организуемые церковью, отведать которые ему все же не до-

велось: достаются они только тем малочисленным счастливицам, которые пришли раньше других. Не забывает добрым словом упомянуть и баптистов, но те помогали «немного и давно».

В общем, в нелегкой борьбе за выживание Мише приходится полагаться только на собственные силы. Но он не сетует по поводу своего бедственного положения, а говорит: «Я не унываю. Свыкся уже с этой жизнью». И давно прекратил тщетные поиски работы и попытки получить помощь извне, зато наладил уникальную, очень эффективную организацию своей жизнедеятельности. При этом самое главное, как считает Миша, – не теряться, если случается неудача. «Не получилось здесь – получится там!» Спасает философский подход к жизни: наш бездомный герой спокоен и старается не обращать внимания на нелестные реплики в свой адрес, которые периодически звучат от агрессивно настроенных окружающих.

СИМБИОЗ

Нашу идиллическую беседу с Мишей прерывает внезапное появление еще одного представителя без-

домных: деловитого вида, подтянутого, бодрого, энергичного. Имя у него тоже простое – Саша, но вот «дедом» никак не назовешь, хоть и младше Миши всего на год. Шутя, дед называет его «напарником». Очевидно, Саша является и лидером в этом взаимовыгодном союзном сосуществовании.

«Напарник» пришел с пакетом добытой еды, чтобы разделить трапезу с дедом, и сразу же стал накрывать импровизированный стол, доставая из целлофанового пакета чудной набор продуктов: погрызенную кем-то почти целую буханку хлеба, съеденный наполовину грейпфрут, бог весть где найденную замороженную тертую морковь и «недорогое вино» (судя по реакции Миши, самое долгожданное из всего перечисленного).

Разговор наш с появлением Саши оживляется. «Напарник» сразу ставит нас в известность, что долго своим присутствием не порадует. Отобедав, он отправится за обнаруженным сегодня металлом, за который, по приблизительным расчетам, можно выручить аж 40 тысяч рублей. Что является неплохим дополнением к уже заработанным сегодня 27,5 тысячам! Поскольку «режущего инструмента» для извлечения металла

при себе не было, Саше пришлось спрятать ценную находку «в надежном месте», чтобы другие охотники не присвоили ее себе.

Доходы двух бездомных впечатляют, и основным их источником является найденный металл. Саша знает самые «хлебные» свалки и мусорки столицы, и это позволяет не только не голодать, но даже лакомиться иногда деликатесами. Товарищи вспоминают, как однажды нашли целый ящик черной икры с истекшим всего месяц назад сроком годности.

Выясняется, что в Минске живут необыкновенно обеспеченные люди. Таким, как Саша и Миша, периодически везет найти не только целые пакеты абсолютно свежей еды, выставленные прямо на улице перед отъездом в долгий летний отпуск, но и бытовую технику в абсолютной исправности, а случается – даже цифровые фотоаппараты.

В очередной раз наполняя дешевым вином глиняную кружку, которая служит одним на двоих стаканом, Саша доносит до моего сведения удивительные факты из жизни белорусских бездомных. Постепенно разговор принимает все более личную направленность. Биография Саши пестрит

многообразием захватывающих историй, и я даже начинаю сожалеть, что не он первый повстречался на моем исследовательском пути и основное мое внимание направлено не на него. Чего только стоит тот факт, что этот бомж – бывший офицер, капитан-лейтенант (отсюда его необыкновенная даже для человека оседлого чистоплотность, вежливость и уверенность в движениях) с двумя высшими образованиями! Жена – знаменитая актриса Советского Союза, живет и снимается сейчас в США. Сын работает в МИДе и живет в Германии. А этот ценитель Олега Даля и Владимира Высоцкого (последнего, кстати, посчастливилось увидеть собственными глазами в компании Марины Влади, когда Саша работал начальником радиостанции на теплоходе) теперь бомж, потому что решил таким образом уйти от жизненных проблем...

ПОВЕДЕНИЕ

Между тем «дешевое вино» творит чудеса, и с каждым новым тостом Миша постепенно меняет модель поведения с «утомленного жизнью дедушки» на «мужчину в полном расцвете сил», все чаще блещет остроумием, а предложения присоединиться к банкету звучат все более настойчиво. При

этом каждый тост дед начинает одной и той же цитатой из любимого фильма «Собачье сердце»: «Борменталь, поставьте водку на место!». Эти слова дед произносит каждый раз с пафосом настоящего актера, а тост завершается самыми душевными пожеланиями удачи, успеха и здоровья в мой адрес. Недостает только звона бокалов – кружка-то одна!

Теперь разговор становится все веселее, шутки звучат все чаще, и наконец Саша громогласно заявляет: «А не пойду я сегодня за металлом! Весь металл все равно не соберешь».

И товарищи единогласно принимают решение сразиться в шахматы (их излюбленное занятие по вечерам). Кто знает: может быть, одному из этих удивительных представителей белорусских бомжей суждено когда-нибудь превзойти в шахматном мастерстве бездомного Тома Мерфи – обладателя титула «эксперт в шахматах», живущего в городском парке в Вашингтоне... А я, достаточно близко познакомившись с особенностями бытия бомжа белорусского, незаметно покидаю увлеченных игрой Мишу и Сашу *etc.*

САГА О СВЕТОФОРАХ

Полтора вековая история прибора, регулирующего движение на дорогах

Евгения ШАХОРСКАЯ

Каждого из нас окружает множество привычных предметов, на которые мы, всегда такие занятые и погруженные в свои проблемы, не обращаем внимания. О некоторых из них мы будем рассказывать на страницах нашего издания: часто за самыми обыденными вещами стоят интересные истории и занимательные факты.

Мы проводим время в очередях в магазинах, читаем газеты, питаемся в фастфудах, засыпаем под «снежные мурашки» на экранах наших телевизоров после очередной мелодрамы. И каждый божий день стоим в пробках.

Мы умоляем сжалиться светофоры, которые заставляют ждать, демонстрируя беспощадный красный свет. Преданно гипнотизируем их взглядом: ну когда-то же они должны моргнуть заветным зеленым!

Сегодня светофоры – обыденность. Всем известно, что они бывают с сигналами трех цветов: красного, желтого (оранжевого), зеленого – и служат для регулировки движения транспорта и пешеходов. Светофор давно стал частью окружающей нас реальности и не вызывает никаких поэтических мыслей. Тем не менее, каждая, и самая обыденная на первый взгляд вещь имеет свою историю, даже, если хотите, легенду.

Первый светофор был изобретен Дж. П. Найтом и установлен в Лондоне на перекрестке возле здания Британского Парламента 10 декабря 1868 года. Устройство это управлялось вручную и имело два крыла: поднятые горизонтально, они означали сигнал «стоп», а опущенные под

углом в 45° – «движение с осторожностью». С наступлением темноты использовали вращающийся газовый фонарь, который обозначал соответственно сигналы красного и зеленого цветов (по одному окошку на каждой стороне). Светофор служил ориентиром для пешеходов, а фонарь – для машин. Однако спустя четыре недели радость от изобретения нового устройства поулегла: газовый фонарь светофора взорвался, искалечив управлявшего им полицейского.

Некоторые изобретатели

пытались усовершенствовать новую разработку в течение четырех последующих лет, однако почему-то не озаботились приобретением патента, что за них с радостью сделал Джеймс Хог, теперь по праву считающийся отцом современного светофора.

5 августа 1914 года на одном из перекрестков Кливленда (Огайо) Американская светофорная компания установила четыре электрических светофора, которые управлялись полицейским, гордо восседающим над перекрестком в стеклянной будке. Светофоры имели зеленый и крас-

ный сигналы и издавали громкий звук при переключении.

С 1920 года в США стали появляться трехцветные светофоры. В 1922 году модные веяния достигли Парижа и Гамбурга. В январе 1930 это полезное изобретение добралось до Ленинграда и Москвы.

А вот в Гамбии (Западная Африка) первый светофор был установлен в 2000 году и с тех пор остался единственным в стране. Возле него и так клубятся толпы пешеходов, которые обсуждают каждое переключение световых сигналов. К сожалению, это не привело к улучшению дорожной обстановки: гамбийцам никто не потрудились объяснить, как надо реагировать на красный, желтый и зеленый огоньки и что они означают.

В Северной Корее в светофорах вообще нет особой надобности: на улицах в качестве регулировщиков работают привлекательные девушки. Светофоры же включают всего два раза в год – в июле и в январе, то есть в сильную жару и холод.

Необычный светофор установлен в Грузии, в поселке для слепых (район Поничала), где проживает около 220 семей незрячих. Он

обошелся транспортной службе мэрии Тбилиси примерно в семь тысяч долларов, зато устройство сообщает водителям и слепым пешеходам: «Внимание, переходить нельзя!» и «Переходить можно».

Несмотря на всевозможные попытки международных служб сделать конвенциональными правила дорожного движения во всех странах, разница все равно существует, и выражается это не только в отличиях дорожных знаков или разметки, но и в принципах работы «трехглазых». Но в любом случае существует лишь одно место во всем мире, где официально разрешен проезд на красный свет. Это Рио-де-Жанейро. Однако, чтобы нарушение дисциплины на дороге оказалось для вас безболезненным, вам придется доказать полиции, что вы – ни много ни мало – намеревались скрыться от вооруженных бандитов...

Ну а во всем остальном мире вырисовывается другая проблема: обычный светофор уже не всегда действует (даже самый дисциплинированный водитель иногда рискует: «Дай-ка проскочу!»). В связи с этим китайский дизайнер Хань-Йоунг Ли изобрел виртуальное препятствие, заставляющее водителей вниматель-

ней относиться к красному сигналу светофора: на проезжей части возникает проекция изображения пешеходов. Предполагается, что виртуальное изображение будет воздействовать эффективнее обычного красного света: ведь голограмма очень реалистична, а проехать сквозь идущих людей психологически непросто. Даже если они – лазерный обман.

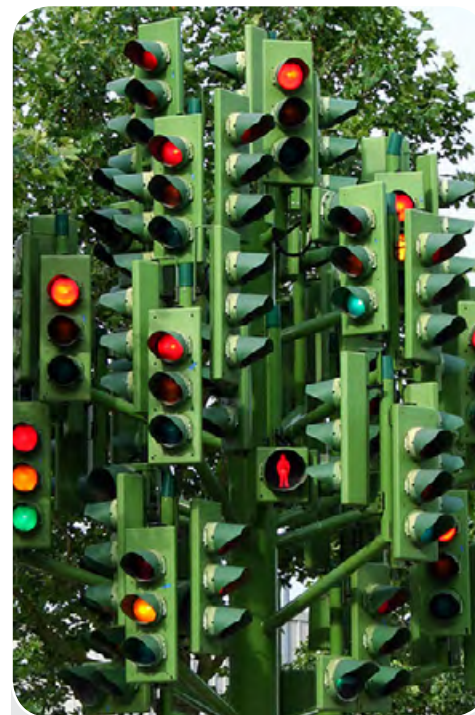
Зато немцы, голландцы и англичане решили развиваться в противоположном направлении: в некоторых городах они создали так называемое «единое пространство». Концепция его заключается в том, что все дорожные знаки, разметка и, конечно же, светофоры теперь напрочь отсутствуют: все остается на усмотрение водителей и пешеходов. Городские власти заверяют, что после таких нововведений число аварий на дорогах не только не увеличилось, но и значительно сократилось. Официальные данные пока не подтвердили эту информацию.

В это время японские ученые Института дорожной экономики в Токио усердно работают, пытаясь ликвидировать «холостой простой» машин из-за заторов на перекрестках. Как выяснилось, это позволит сократить выбросы в атмосферу углекислого газа до 60% и,

что тоже было бы очень неплохо, сэкономить миллионы долларов.

Оказывается, грамотная регулировка уличного движения только на пяти крупных перекрестках в мегаполисах позволит существенно замедлить процесс глобального потепления.

Порой так хочется кардинально изменить что-нибудь из окружающих нас предметов – слишком уж оскомины набили. Так и поступил

один чешский художник. Однажды утром жители Праги проснулись в некотором шоке: бесполое человечки на пешеходных светофорах преобразились. Их позы, походки и направление движений кардинально поменялись: часть фигурок решила прилечь или присесть, другая часть стала вообще безобразничать – пить, курить и опорожняться, используя при этом весьма экзотические позы. Любителя разбивать стереотипы быстро поймали, к сожалению, не отдав должное его благородным намерениям. Зато оказалось, что устроить подобный веселый дебош можно всего-то за одну ночь, не забыв вооружиться маркером.

Пожалуй, стоит вспомнить знаменитых светофорных персонажей. Например, те, кто хоть раз был в Германии, не могли не заметить массовой продажи «светофорных сувениров»: зеленого и красного человечков в шляпах, которые существуют во всевозможных вариациях и могут стоять от одного и до нескольких тысяч долларов. Впервые фигурки «ампельмэнхена» появились на светофорах ГДР в 1961 году в Берлине. Сегодня он встречается на брелоках, значках, ластиках, кружках, конфетах – список можно продолжать бесконечно. Психологи разработали этот

персонаж по заданию министерства транспорта ГДР, чтобы регулировать движение более эффективно, так как количество автомобилей неумолимо росло, а число аварий увеличивалось с каждым днем. И специалисты предложили использовать вместо традиционных красно-зеленых фонарей хорошо заметную фигурку человека в шляпе. Стоящий с широко расставленными руками красный символ означал «стой», а широко шагающий зеленый – «иди». После объедине-

ния Германии «ампельмэнхен» был изгнан из страны: власти окрестили этот символ «коммунистическим пережитком» и заменили его стандартными фигурками. И только 12 лет назад художник Маркус Хекхаузен возродил национального любимца, начав изображать его на рекламных футболках, чем вызывал у всех жителей Германии ностальгию и завоевал популярность.

Что же до Беларуси, то тут пер-

вый светофор появился в тридцатых годах – на перекрестке нынешних улицы Ленина и проспекта Независимости. Сейчас в Минске 435 светофорных объекта, то есть 435 полностью оборудованных перекрестка, на каждом из которых может стоять от 4 до 16 светофоров. Вообще удовольствие, как выяснилось, не из дешевых: каждый светодиодный светофор с обратным отсчетом времени стоит 500-750 долларов. Для примера: перекресток около цирка (улица Купалы и проспект Независимости) обошелся государству в 70 тыс. долларов, и это без учета ремонтных работ! Кстати, за последние три года в стране не поставили ни одного «старорежимного» светофора: оказывается, менять перегоревшие лампы обойдется еще дороже (за месяц ГАИ меняет около 700 лампочек).

Регулировать это бесчисленное количество агрегатов помогает АСУД – автоматизированная система управления дорожным движением. Она подает сигналы на контроллеры (это такие небольшие ящики на светофорных столбах), которые и решают, какой из кружочков заморгает следующим. Время, которое дается, чтобы проехать на зеленый свет, называется светофорным циклом. Общее время этого цикла определить на

глаз мы вряд ли сможем: есть 2-, 3- и 4-фазные светофоры. В часы пик (с 7.00 до 10.00 и с 16.00 до 20.00) АСУД меняет команды, увеличивая время цикла, – и пропускная способность дорог увеличивается. Не стоит забывать и о так называемой «зеленой волне». Чтобы в нее попасть и сэкономить бензин, избегая постоянных метаний с торможения на газ, скорость движения должна быть около 50 километров в час, хотя, конечно, все же стоит обращать внимание на общую скорость потока.

Если же вы считаете, что около вашего дома во что бы то ни стало должен появиться светофор, то первым делом звоните в ГАИ. Ее лучшие работники приедут специальной командой, измерят интенсивность движения, геометрические параметры перекрестка, проанализируют показатели аварийности за последние три года и – если светофор и в самом деле необходим в данном месте – начнут строить.

Хорошо бы иногда вспоминать, что вокруг нас такое множество странностей, о которых мы даже не подозреваем... Гениальное – просто, простое – гениально *etc.*

«ПОДАЙТЕ, А ТО УТОПЛЮСЬ!..»

Почему не оскудевает рука берущего?

Людмила ЛЕОНЕНКО

Древнее как мир занятие – попрошайничество – переживает второе рождение. С церковных папертей и городских переходов оно перекочевало в сферу эпистолярную и виртуальную. Вышибающие слезу письма пишут в госучреждения, общественные организации, благотворительные фонды, редакции, размещают свои послания в интернете не старики-инвалиды, а вполне трудоспособные молодые граждане. Просят, требуют, угрожают. Такой вот тихий рэкет...

Ирине позарез нужно 4 миллиона. Для весьма благородной цели – поставить памятник на могиле матери. Свой дочерний долг она решила возложить... на нас с вами.

Засыпала редакции просьбами опубликовать бесплатное объявление о сборе средств. «Присылают же деньги на операции детям, почему не помочь мне поставить памятник?»

Виктору понадобилось 8 миллионов – внести взнос на строительство своей квартиры. Сделать это должны, по его мнению, «все, у кого есть деньги, даже совсем скромные. Ведь если 1 миллион простых людей пришлет мне всего по 1 тысяче рублей – им это не накладно, а сделают большое добро», – вразумляет Виктор простых людей, а также бизнесменов, для которых «8 миллионов – просто семечки».

Арифметические выкладки делает еще один проситель: вспомоществование всего в 3 тысячи, присланных всеми, кто прочитает его послание, по его расчетам должно хватить... на подарки его невесте. Свадьба на носу, а денег у жениха нет.

Еще один проситель весьма обстоятельно сообщает о своих матримонимальных проблемах. Ни работы,

ни жилья у Александра нет. Поэтому ему никак не выжить... без жены! Которую должна найти ему сердобольная общественность. Проситель обещает, что будущая супруга не пожалует о своем выборе. Ведь он не какой-нибудь банальный неудачник, а «натура художественная, чувствительная, красота вокруг мою душу трогает». В общем, такие мужики на дороге не валяются!

Не могу сказать, что я равнодушна к планам поставить памятник на могиле матери или обзавестись собственным жильем. Да и к желанию купить подарки невесте или найти жену отношусь с пониманием и одобрением. Но способ решения этих проблем – за счет других, ущемляя своей настырностью тех, кому помощь действительно нужна, – понимания у меня не находит. Да и личный опыт помощи просителям у меня печальный.

Одна многодетная мать-одиночка просила прислать что-нибудь для ее детей. А как только получила мою посылку, выслала новый список – необходимой ей домашней утвари. «И обязательно пришлите микроволновку «Samsung FG 87KS», – настаивала просительница. (Кстати, стоит этот прибор 719 416 рублей).

Еще к одной матери, грозившей «утопиться от безысходности, если не получу помощи, – нет сил смотреть на опухших от голода детей!», я поехала с сумкой продуктов. И что же? Потенциальная утопленница оказалась цветущей кокетливой молодой. А ее четверо детей – жизнерадостными карапузами. В доме был и цветной телевизор, и мягкий угол, и полный холодильник продуктов. Всю эту «гуманитарку» безработная мамаша выпросила в благотворительных фондах и в Красном кресте, куда она ходит с заявлениями как на работу.

Еще одна просительница с гордостью показала мне обширный гардероб, который подарили ей «добрые

люди», прочитав в интернете послания «сироты и матери-одиночки».

Специалисты деликатно называют подобных просителей «людьми со своеобразным психологическим складом». Больше половины обладателей этого «склада», по данным правоохранительных органов, имеют среднее образование, 20 % – среднее специальное, а 9 % – высшее. Это значит, все они вполне могут заработать на молоко детям, на подарок невесте, на взнос на строительство жилья и прочие свои нужды общественно-полезным трудом. Но предпочитают протягивать руку к нашим с вами кошелькам.

Закон к попрошайкам снисходителен. «Состава преступления» в их деяниях нет – они никого не грабят, мы помогаем просителям добровольно. Почему? Да, наверное, потому, что любой просящий будит в нас иррациональное сострадание. Вот и пользуются этим состраданием те, кому самим «горбатиться неохота». Ну а нам подавать, сострадать, милость проявлять, получается, охота? *etc.*

МАНЕКЕНЫ ПИС

Елизавета БАМ

Когда мне было лет шесть, дядька-дипломат привез из Франции подарок – лакированную картинку. На ней, подбоченясь, стоял малолетний апаш в небрежно обернутом вокруг шеи шарфе и огромной кепке. Выражение лица глумливое, «клёши» приспущены, на землю задорно брызжет струйка. Мне объяснили, что сюжет навеян знаменитым брюссельским фонтаном «Манекен Пис».

Позже изображения «писающих мальчиков» вошли в моду: в каждом уважающем себя доме (из тех, где в «зале» есть «стенка», а в «стенке» сверкает хрусталь) завелся собственный озорник, хранитель двери в уборную. В Древнем Риме на одну входную дверь приходилось несколько божеств. Почему не быть божееству клозета? Пусть «испускает светлую струю», как мое поколение писало в сочинениях о каком-то очередном прогрессивном деятеле...

Но в последние годы меня посещает ощущение, что «манекенам пис» наскучило справлять малую нужду на картинках и чеканках. Их потянуло в мир. Они вышли на улицы. Я даже знаю, на какой их больше всего – на Немиге. Той самой, где «шеломами» черпало воду воинство князя Игоря. Ох, боюсь, сейчас они черпали бы совсем другое...

Стою во дворе. Белый день. В шаге справа – куст, в шаге слева – другой. У первого пристроился

один «писающий мальчик», у второго – еще два. Все переговариваются натуженно громко, в эдаком залихватском тоне. Это потому, что я шарахаюсь в сторону. Им это ужасно нравится. Цель достигнута. «Эпатаж буржуа», так сказать.

Утро, около десяти. На ограду собора св. Петра и Павла истекает упомянутая «светлая струя». Двое стоят поодаль, обсуждая направленность и мощь. И впрямь впечатляет. Интересно, сколько выпило это животное? Бочку, цистерну? Упаковывая свое главное и, похоже, единственное достояние (мозг и сердце исключены полностью), герой сюжета вопит: «Как с Богом пообщался!»

Вечер. Из окна виден ярко освещенный «козырек» торгового дома на Немиге. Люди несут продукты, галдит «пивная молодежь». Один отходит в сторонку... Продолжать?

А в последнее время наметилась новая тенденция: появились «манекенки». Они, правда, отходят в сторонку. Романтическая картина любви: сперва Он, держа в руке бутылку с пивом, ожидает Ее, присевшую за гаражом, и шутиливо комментирует процесс. Вернувшись, Она берет бу-

тылку, а Он перенимает у нее эстафету по излиянию... Как на олимпийских играх факел передают.

Помню один из ужасов юности. Это когда долго гуляешь по городу с тем, кто тебе очень нравится. Счастье – и пытка для организма. Потому что выговорить «Прости, мне надо...» невозможно. Идиотизм, конечно... Но из совковой скованности и гогоучей разнузданности предпочту первое. И пусть те, кто без комплексов, бросят в меня булыжник.

Знаете, какой у меня самый черный день в году? Праздник города. И задолго до ужасающих событий нынешнего лета. Потому что 3 июля у моего подъезда эдак с полудня начинает расти лужа. К ночи она выходит из берегов. Куда там прославленной Гоголем миргородской! И три дня держится стойкое «амбре». Слава Богу, я живу на девятом этаже. А как тем, кто на первом?

И знаете, они – те, что на первом – молчат. И прохожие молчат.

И я молчу. Потому что «неприлично» это замечать. Во как! Замечать неприлично, делать – прилично. И самое

смешное вот что. В нашем домище, из которого-то в основном и состоит улица Немига, три общественные уборные. Из них две бесплатные. Но как-то это... неактуально, что ли? Почему?

На эту тему у меня есть два предположения. Первое таково: некогда особы королевской крови испражнялись публично. У них даже были присутственные выливатели горшка. Не ниже герцога статусом. И второе, знакомое мне как владельцу собаки. Для нее, как и для любого животного, «испускание светлой струи» диктуется не только необходимостью. Это мощный символический жест, означающий завоевание территории: «Это МОЕ! Посторонись, слабак! У тебя ЭТОГО меньше». Я знаю, какое из двух объяснений предпочел бы «манекен пис», спускающий штаны в любом месте, где настгла его нужда. И знаю, какое предпочту я. Потому что короли с тех пор

обучились приличиям. Собаки, увы, нет *etc.*

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ

Психология повседневного общения от специалиста

Александра ЧЕРНЯВСКАЯ

Приходилось ли вам когда-нибудь наблюдать, как заполняется пустой ресторанный зал? Вначале занимают столики в углах и выбирают стулья, на которых можно сидеть спиной к стене. Это инстинкт: спина – самая незащищенная часть тела, она должна быть закрыта от нападения. Животные в бою никогда не поворачиваются к сопернику спиной до тех пор, пока не почувствуют себя побежденными.

Вы наверняка испытывали неприятное чувство оттого, что собеседник, разговаривая, стоит к вам вплотную, да еще пытается теребить пуговицу вашего пиджака? Он, конечно, не оторвет и не унесет пуговицу, но вы, ощущая дискомфорт, отступаете, а «бестактный» собеседник автоматически приближается на то же расстояние. В конце концов, вы под любым предлогом уходите к кому-то, кто в общении будет соблюдать дистанцию и не станет вторгаться в вашу «личную зону», которая у европейца составляет от 50 см до 1,2 метра. У сельского жителя личная зона почти в два раза больше. Поэтому горожанин, здороваясь, протянет вам руку либо полусогнутую в локте, либо – если личное пространство у него большое – вытянутую. А человек, выросший в малонаселенных районах, где потребность в личном пространстве достигает 9 метров, только лишь приветственно поднимет руку. В разъяренной толпе, когда жизненное пространство сведено до минимума, по мере увеличения плотности агрессивность резко усиливается и все большее число людей автоматически принимает враждебную стойку, готовясь к самым решительным действиям. Неслучайно первая задача милиции при столкновении с агрессивной толпой – разогнать, уменьшив степень агрессии.

Влюбленные, напротив, чувствуют себя комфортно только стоя или сидя вплотную друг к другу, разрешая внедрение даже в интимную зону (от 15 до 46 см), зону тесного эмоционального контакта.

Язык тела, язык жестов – это язык подсознания, данный природой. Сами того не осознавая, мы его знаем и умеем считывать. Если вы обладаете прекрасной интуицией, значит, в вас говорит «шестое чувство». Если вы почему-то не доверяете словам собеседника, это значит, что его жесты и тело посылают сигналы, которые противоречат словам и подсказывают вам, что он лжет.

Очень смешно и наивно врут дети, прикрывая одной или обеими руками рот, то есть как бы сдерживая обманное слово. Подросток выдаст себя более зрелой модификацией того же жеста, когда пальцы лишь обведут линию губ. Когда лукавит взрослый, мозг неизбежно посылает тот же импульс – необходимость закрыть рот рукой, но жестикуляция уже гораздо более изощрена, и потому в последний момент рука уклоняется от губ и касается кончика носа. Улавливая сигналы, мы не отдаем себе отчета в том, что кроме слов получили какие-то другие, неречевые сообщения. Не

случайно стул для допроса ставится посреди комнаты, чтобы допрашиваемый был виден с ног до головы: когда нижняя половина тела прикрыта столом, скрывается множество невербальных сигналов. Жесты настолько красноречивы и так легко выдают ложь, что профессиональные дипломаты, дикторы телевидения, хорошо образованные политики специально обучаются использованию жестов, которые придают правдоподобность словам, или стараются свести жестикуляцию к минимуму. Врожденными способностями приводить свои жесты в соответствие с лживыми речами обладают профессиональные мошенники, и чем больше этих способностей, тем талантли-

вей и профессиональнее жулик. Хотя профессионалы другого рода, хорошо знающие язык жестов, все-таки распознают ложь по мельчайшему дрожанию лицевых мышц, по расширению или сужению зрачков, по испарине на лбу или взгляду, внезапно отведенному в сторону. Чем выше социально-экономическое положение человека, тем меньше он жестикулирует и тем беднее его телодвижения. Шофер одного из крупных начальников сказал сакраментальную фразу, подвозя случайного пассажира на служебной машине: «Когда будем проезжать перед милиционером, руками не размахивайте. Шефы руками не машут».

Считая речь основным средством общения, мы ошибаемся: невербальные, то есть неречевые сигналы, язык тела и жестов несут в пять раз больше информации, чем слова. Этот язык подделать просто невозможно, и даже опытные специалисты могут имитировать нужные движения лишь очень короткий отрезок времени, потому что мозг продолжает произвольно посылать сигналы, противоречащие тому, что звучит в лукавых словах. Дети, еще не вкусившие пороков цивилизации, совершенно естественно распознают эти противоречия. Например, отец произносит

грозную тираду, нечто вроде: «И до каких пор ты будешь лупить этого соседского Вовку, я вот сейчас пройду ремнем по твоей заднице!» Но если руки его в это время лежат на бедрах ладонями вверх, свободно и расслабленно, уголки губ тоже направлены вверх, в углах глаз мягкие морщинки, голос полный и свободный – ребенок безошибочно считывает, что его скорее поощряют, чем осуждают. И в то же время, когда мать на извечный детский вопрос «А ты меня любишь?» отвечает: «Ну конечно люблю!», а голос досадливо высокий и напряженный, рука делает отталкивающий жест ладонью от себя, – ребенок поверит жесту, а не словам.

Несовпадение слов, жестов и позы очень помогает профессиональным социальным работникам и психотерапевтам. В работе с семейными конфликтами это бывает особенно часто.

«Как вы полагаете, вы еще любите вашу жену?» – спрашиваю я пациента. «А как же еще!» – отвечает тот, в то время как стиснутая в кулак рука постукивает по колену, голос зажат, поскольку сжаты голосовые связки (как в минуты ярости), а губы собраны в бескомпромиссную узкую полоску. Я начинаю подозревать, что

как-то здесь маловато любви. И вот тогда, задав только один неполный вопрос: «Да, но?..», получаю нечто вроде: » Да, но сколько можно терпеть эти истерики, и это вечное нытье насчет денег!». И далее уже следует все, что накопело, а я вижу, что по мере того как происходит разрядка, меняется поза. Он откидывается на спинку кресла, открывая грудь и живот, руки расслабляются и спокойно ложатся на бедра, губы раскрыты свободно, голос становится мягче. Но эта поза открытости вряд ли относится к его воспоминаниям о жене, скорее это признак доверия к врачу. Теперь я вижу, что он искренен. Вообще поза искренности хорошо известна: человек откинут на спинку стула, грудь и живот открыты, бедра не напряжены. Сравните с животным, демонстрирующим вам полное доверие и симпатию: ложится животом кверху, открывает свое горло – оно не ожидает нападения.

Приступая к лечению пациента с алкоголизмом, где часто встречается неосознанное сопротивление, прежде чем начать сеанс гипноза, я всегда смотрю, как он сидит. Если руки скрещены на груди, корпус наклонен вперед, (передняя часть тела инстинктивно прикрыта – поза защиты), ноги скрещены, я уже знаю,

что последует дальше. Сейчас он будет исполнять роль «я такой сильный, я такой мужчина, никакой гипноз меня не возьмет». Тогда я задаю резонный вопрос: «А вы действительно хотите лечиться?» «Конечно, хочу», – не совсем уверенно отвечает тот. «В таком случае разомкните руки и ноги, не у начальника зарплату выбиваете». Вскоре после того, как поза самоутверждения и недоверия ушла, пациент уже в гипнотическом трансе.

Однако больных неврозами, испуганных, неспособных вынести тяготы этого мира, чувствующих себя беззащитными и беспомощными, напротив, приходится учить ощущать себя защищенными: «Положите ногу на ногу, скрестите руки на груди, и вы станете гораздо более уверенным и сильным».

В следующих материалах, уважаемый читатель, мы продолжим разговор о секретах жестов *etc.*

РАЗГОВОР ДВУХ НЕИЗВЕСТНЫХ

Александр СУШКОВ, Николай ПОГРАНОВСКИЙ

Теперь мы картошкой не только желудок загружаем, но и сознание.

В Минске в галерее Дворца Республики прошла выставка «Арт-бульба». Картошка во всех видах-ипостасях стала арт-объектом: скульптуры, картины, фотографии, инсталляции... Даже «Золотая картошка 585 пробы» Андрея Хотяновского.

А скоро в несвижском Радзивиловском замке установят памятник бульбе, над которым работает Василий Антонович...

Что за дичайшее мелкотемье в искусстве?

КАРТОТА

– Это закономерно. Картошка – главный продукт в рационе среднего белоруса. «Бульбу парим, бульбу жарим...»

– Получается, что едим, то и воспеваем. Язычество какое-то. По аналогии в Украине могло бы быть арт-сало, у казахов – арт-конопля, у венесуэльцев, наверное, – арт-кока; арт-маца, наконец.

– Думаешь, в картошке есть что-то наркотическое? Хотя у итальянского писателя Дино Буццати так и написа-

но: если картошку отварить и съесть в полной темноте, то подвергнешься наркотическому воздействию.

– А ты, кстати, знаешь, как мудрые люди сажают картошку?

– Как?

– Сначала в женские колготки, а потом уже в землю.

– Где ж колготок столько найти? Это что, новый способ размножения?

– Нет, просто по созреванию можно собирать картошку без земли.

– А если сито вложить в колготки, то сразу пюре получится.

- Хорошая идея.
- Выпьем?
- Выпьем.
- Закусим?
- После первой не закусываю.

СПАСТИ РЯДОВУЮ КАРТОШКУ

- Обрати внимание, сколь патриотична Америка в своем искусстве. Вспомни «Спасти рядового Райна». Я не говорю, что Штаты – мировой

жандарм и прочее. Это другая тема. Возможна ли у нас ситуация, чтобы пол-армии задействовали на спасение какого-то солдата Хрюкина?

- У нас, скорее, сотню невинных загубят, чем спасут кого-то. А какое это имеет отношение к картошке?

- Самое прямое. Сохранение людей напрямую связано с сохранением результатов человеческого труда. Картошка гниет и прорастает в буртах, погребах, мешках. Поэтому это продукт социальный.

- Значит, как белорус ценит и оценивает свой труд, так он относится и к себе?

- Именно.
- Выпьем?
- Выпьем.
- Закусим?
- Извини, после второй не закусываю.

КАРТОФЕЛЬНЫЙ ХОЛОКОСТ

- Много врагов у белорусской картошки. Бесхозяйственность, фитофтора, колорадский жук... Кстати! Неплохо бы организовать международный суд по привлечению к ответственности штата Колорадо. Навезли жуков к нам. Определиться с суммой иска и все остальное. Еще казахи очень перед нами виноваты.

- А казахи-то почему?

- Это связано с пылью и розой ветров. Дело в том, что после освоения целины в Беларуси начали выпадать казахские кислотные дожди, уничтожающие не только наши урожаи, но и саму почву. Наследие социализма – ветер в нашу сторону.

- Но тогда еще к России, как к правонаследнице СССР, претензия за содеянное!

- Какое содеянное?
- Ну, болота наши родные почти

уничтожили! Мелиорацией.

- Какой орацией?
- Мели! Болота отсосали. Лесостепь сплошная. Но вернемся к картошке. О ней!..
- Погоди, давай выпьем.
- Погоди.

ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ОТМОЧИТЬ

- Главный смысл картошки – смысл геополитический: она замедляет мозговые процессы и тем самым является источником уникальнейшей в мире толерантности белорусов. Картошка – работа – дом – картошка. Замкнутый политэкономический цикл. Американцы и остальной мир жрут и жрут кровавые стейки, шашлыки, хот-доги. Страдание убитых животных попадает в желудок, а по-

том с кровью прямо в мозг! Вот она – агрессивность. И нас пытаются очернить кровью погибших животных.

– Получается, что нам не по пути с остальным «цивилизованным» миром.

– Вот именно. Белорус – белая птица мира. Картофель – продукт толерантности. Его у нас много. Еще другим хватит. Питер, Ленинградская область, Вологодская, Мурманск, Архангельск. У них не родит.

– А там и за границу!

– Нет, за границей своя. Дешевле и лучше. Особенно в Голландии.

– О! Насчет Голландии. Это же они когда-то придумали цветы вместо денег. И ничего. Вот картофель мог бы заменить белорусские деньги! Создать НКБ (Национальный Картофель Банк). Безналичный картофель, наличный, картота-акции, кредиткартоты, картотека...

– Может, все-таки еще по одной...

– Может, все-таки пока нет...

КАРТОФЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

– Возвращаясь к «Арт-бульбе», скажу: если бы я был куратором этой выставки, я бы сделал ее международной. «Арт-фалафель», скажем. Тогда бы и в мире поняли, что белорусы имеют огромный экономический потенциал в виде картофеля. Нам самим изнутри не нужно пояснять ценность картошки. Как не нужно пояснять, что «Мы – белорусы». Серпочек, молоточек, колосочек... Ну не дебилы же!

– Это насчет бигбордов и ситилайтов?

– Ну да! Представь, что в Тель-Авиве или в Ерушалайме... Нет, в Ерушалайме опасно. В Хайфе висит плакат: сидит хасид в кипе, с пейсами и Торой. И надпись: «Мы – евреи». И что?

– Да несерьезно. Вызывает легкий

смех. С таким же успехом можно гордиться тем, что ты родился в четверг. Я этим очень горжусь. Такая легкая, мягкая форма шовинизма. Ко мне недавно немец знакомый приезжал. Бывший летчик. Успел послужить странам Варшавского договора на МИГ-29. Так он говорил: «Почему это у вас на плакате дедушки в медалях жадно тянут к себе маленьких мальчиков? И все крутятся, крутятся на этих бигбордах. Это как если бы у нас в Берлине на Унтер ден Линден висел плакат эсэсовца в парадной форме, который похлопывает мальчика с фауст-патроном по молочной щечке. И эти парады помпезные... Лучше бы раздали ветеранам деньги. И

узникам лагерей, если живы, узникам детства хотя бы...»

– Да... Так-то оно так. Был еще француз в 1812 году, а в 1410-м Грюнвальдская битва... Понимаешь, пока малая часть белорусов восхваляет войны и победы в них, то другая, большая часть белорусов, просто ест картошку и тем самым примиряет себя с остальным миром... С одной стороны – продукт войны: порох и тринитротолуол. С другой – картошка. А твой немец-то и не знает, что у нас скоро вместо денег будет картошка!.. Выпьем?! За Победу!

– За нашу Победу!

– Официант, КАРТОШКИ! *etc.*